

22-08-2014 14:53:00

Возьми свое сложное счастье

Как в обществе меняется отношение к усыновлению и что ждет потенциальных родителей на этом пути

Руководитель интернет-портала «Усыновите.ру», директор Центра развития социальных проектов Армен Попов рассказал «Новой», как в обществе меняется отношение к усыновлению и что ждет потенциальных родителей на этом пути.

— На новом сайте департамента социальной защиты населения Москвы «Усынови Москва.ру», который создала и ведет ваша организация, приведены цифры: «За последние годы количество сирот в стране снизилось со 130 тысяч до 99 тысяч». Это очень значительное уменьшение. С чем вы его связываете?

— Это и существенные изменения в государственной политике, и, что мне кажется очень важным, — изменение отношения общества к этому вопросу.

— После принятия «закона Димы Яковлева» внимание общества к проблеме активизировалось. А

не может быть так, что определенная часть усыновителей или приемных семей стала таковыми на волне патриотизма?

— Честно сказать, слабо себе это представляю. Это же не лозунг какой-то отстаивать надо таким способом, а очень личный жизненный выбор сделать. Я часто встречаюсь с приемными семьями и вижу мотивацию этих людей, поверьте, если люди приходят к такому решению взвешенно и осознанно, прошли подготовку в школе приемных родителей, то они понимают, что берут ребенка в семью ради только одной идеи — дать возможность жить ребенку в семье и помочь ему стать личностью.

— А как изменилось само общество после принятия «закона Димы Яковлева»?

— Во-первых, заметьте, общество весьма резко отреагировало на него. Несмотря на то что общество больно по многим вопросам, у людей есть очевидная потребность в гуманизации жизни.

Я более 20 лет занимаюсь вопросами усыновления, и процесс международного усыновления мне тоже знаком. Там тоже не все так просто, и бывают ситуации неоднозначные, и трагические, связанные с гибелью детей. Но если подытожить, то в Америку, к примеру, у нас 70 тысяч детей было усыновлено, это, считай, 700 детских домов закрыто. И большое человеческое спасибо за это. Причем надо помнить, что это происходило в России в те годы, когда усыновление вообще не было развито. Я помню это прекрасно. И если общество отреагировало на «закон Димы Яковлева» резким подъемом интереса к сиротам, то можно считать, что этот закон произвел и такой побочный положительный эффект. Ребенку ведь все равно, где жить, ему мама с папой нужны. Брать в приемные семьи детей стали значительно больше, поэтому заметно уменьшилось число детдомовцев. Но, к сожалению, в детдома не стало поступать меньше детей. Это тоже нынешняя реальность.

— Сколько детей усыновляют, а сколько берут под опеку?

— Примерно 10—11 процентов детей усыновляют, остальные уходят в приемные семьи, и там существует большой процент родственной опеки. И надо сказать, что именно из родственной опеки идет большой процент возврата детей. Стандартная ситуация — бабушка с дедушкой берут под опеку внуку, от которой отказались собственные пьющие родители. Они хотят ее вырастить, и все идет хорошо, пока не наступает подростковый возраст и соответствующие возрасту проблемы. Бабушка с дедушкой к этому времени стареют, и им становится сложно справляться с ребенком. Они и возвращают внуку в детдом.

— Вы говорите, что большинство людей сейчас предпочитают брать детей под опеку, хотя с человеческой точки зрения ребенку психологически комфортнее быть усыновленным. А так вроде он получает семью на время, до совершеннолетия? Чем мотивируют люди такую форму?

— Материальной и финансовой поддержкой. Исключительно этим. Когда человек усыновляет ребенка, государство ничего не выплачивает ему, когда берет в приемную семью — получает вполне ощутимое пособие: в Москве, например, это около 40 тысяч рублей. При этом я уверен, что если бы такое же пособие платили в случае усыновления, то люди бы усыновляли, многих не останавливало бы дать свою фамилию. Ведь, по сути, после совершеннолетия ребенка, когда вроде бы и контракт с государством на воспитание этого ребенка формально заканчивается, эти дети продолжают жить в семьях, они уже становятся настоящей семьей, родными людьми. Кстати, часто люди из приемных родителей становятся усыновителями. Довольно распространенный пример: одну семью, которая взяла под опеку ребенка, временами одолевала пьющая бабушка, которая хотела видеть внука по первому требованию, которая ему рассказывала, что «эти люди тебе чужие, только я родная». Взрослые, чтобы оградить мальчика от травмирующей ситуации, усыновили его.

— **А для ребенка — это разве не травма, когда он понимает, что его взяли не навсегда, а на время?**

— Поверьте, не влияет юридический статус приема в семью на человеческие отношения. Дети вообще в это не вникают. Ребенка взяли в семью, через очень короткое время он начинает называть приемных родителей мамой и папой — вот для него это и есть его «юридический статус».

— **На вашем сайте есть цифра — за полгода в Москве 271 ребенок нашел приемную семью, 810 взяли под опеку, а 108 усыновили. Это на 70% больше прошлого года. С чем связываете?**

— В Москве сегодня создана структура полного цикла по подготовке и сопровождению семей. Все организации и службы, занимающиеся этой темой, все детдома, интернаты, дома ребенка, органы опеки собраны в один кулак — департамент соцзащиты. Во главе его люди, понимающие логику процесса, знающие, что делать, открытые новым методикам. Для Москвы это революционные преобразования. Всего несколько лет назад в городе было 150 приемных семей — сейчас 14 тысяч.

— **Судя по тому, что вы рассказываете, подавляющее число детей-сирот — это социальные сироты. То есть это дети с тяжелым прошлым, в котором были и пьющие родители, и недоедание, и психические травмы. С одной стороны, потенциальному родителю нужно иметь очень сильную мотивацию, чтобы не испугаться трудностей, с другой — этих родителей нужно серьезно готовить к жизни с таким ребенком.**

— Есть такая проблема. Она неизбежна, когда у людей есть ожидания того, что они берут ангелочка домой. Этот ангелочек, по их представлениям, страдал и мучался в аду, а они его спасли, и теперь он должен быть им по гроб жизни благодарен. Это заблуждение и неразумная мотивация. В школах приемных родителей учат, чего можно ждать, а чего нет от ребенка. Ребенок меньше всего чувствует, что должен быть за что-то благодарен. У нас у всех растут дети, они что, на нас молятся, что мы их растим и любим?

Очень часто к ребенку со сложной психикой приемные родители примеряют идеальную картинку. А ребенок, попав в семью, может начать кричать, биться головой об пол, устраивать истерики в магазине, драться в школе. Для неподготовленных родителей это сигнал того, что им подсунули бракованный «товар», и они несут его в детский дом со словами: «Вы нам говорили, что это ребенок с хорошим характером, а он оказался невменяемым». И это становится жуткой травмой для ребенка. Сейчас в Москве и уже во многих регионах созданы службы сопровождения приемной семьи. Это не контролирующий орган, это службы профессиональных консультаций, куда семья может обратиться. Но, к сожалению, ментальность наших приемных семей порой еще такова, что к этой поддержке прибегают редко. Мы будем поднимать эту тему на готовящемся форуме приемных семей, намерены активно объяснять семьям, что эта служба даст возможность избежать ошибок и взаимных проблем в общении.

— **Система поддержки, как вы рассказываете, налаживается, а система контроля за приемной семьей как функционирует?**

— Здесь тоже нужны изменения. Одна из задач — разрушение стереотипа недоверия граждан к системе органов опеки. Этот стереотип сложился давно и отчасти справедливо. Органы опеки и попечительства очень часто начинают себя мнить начальниками над семьями, а здесь тонкая грань — они и контролируют, но они же должны и помогать. А у нас порой приемная семья предпочитает не рассказывать о своей проблеме, потому что почему-то боятся, что отнимут ребенка. Дыма без огня не бывает. Как и везде, в органах опеки встречаются разные люди. Очень важная задача для государства, как мне кажется, постоянно образовывать, повышать квалификацию работников органов опеки и привлекать молодых специалистов. Но вместе с тем я не могу согласиться с одним из недавно сложившихся стереотипов, что в органах опеки просто страшные люди работают. Я знаю десятки профессионалов

высочайшего уровня, отзывчивых, порядочных людей, посвятивших свою жизнь этому очень сложному, а часто неблагодарному делу. По стране, уверен, их тысячи. И все же для решения тех задач, которые стоят перед нами, сейчас этого мало. Отсюда и вопросы.

— А какие еще симптомы в обществе говорят о том, что культура усыновления меняется?

— Особенно это заметно в семьях, которые несколько лет назад брали ребенка и сейчас опять хотят сделать это. Они говорят: «Тогда к нам даже близкие люди относились как к сумасшедшим, а сейчас мы слышим: «Какие вы молодцы». Но есть масса вещей, где мы отстаем. Само сообщество приемных родителей только формируется, порой не знает своих прав, не везде может самоорганизоваться.

— Но тем не менее государство предлагает новые бонусы. Например, семье, в которой больше пятерых приемных детей, выделяют квартиру. А нет ли риска, что найдутся такие люди, которые именно из-за квартиры возьмут этих детей в семью? Как отслеживать мотивы?

— Но это все же не автоматическая система: взял детей — и тут же получил квартиру. Все-таки система контроля и подготовки приемных родителей фильтрует людей. Бывает, что потенциальный родитель проходит школу приемных родителей, а положительных рекомендаций от педагогов и психологов не получает. Психологи и занимаются тем, что выясняют истинную мотивацию и ориентируют людей. Однако есть же очень много проблемных историй, вообще никак не связанных с финансовой заинтересованностью. Бывают ситуации, когда в очень преуспевающие семьи брали детей. И эти люди вообще не интересовались размером выплат. А в реальности оказывалось, что семья на грани развода и ребенка они решили взять, чтобы попытаться склеить свои отношения. Естественно, что ребенку там стало плохо, несмотря на то, что он жил в особняке, который был больше, чем его детский дом. И ребенка в итоге вернули.

Или еще случай возврата в детский дом из состоятельной семьи. Взяли 12-летнюю девочку — сверстницу родной дочери. Решили, оказывается, что им нужна подружка для дочери, которая растет замкнутой. Естественно, между девочками начались конфликты и ревность. Но надо, простите, быть полными профанами, чтобы не предвидеть этого. Я почему об этом говорю: финансы все-таки не главное.

А вот для людей, которые душевно готовы взять ребенка, но не слишком обеспечены, чтобы сделать это без ущерба для бюджета семьи, эти пособия и предназначены. Это работает.

— На сайте «Усынови Москва.Ру» я обнаружила, что много подростков ждут свою семью. Но ведь известно, что взрослым детям крайне тяжело найти родителей. На что вы рассчитываете, публикуя их данные?

— Большое число подростков в банке данных говорит о том, что москвичи стали очень активно устраивать в семьи маленьких детей. Естественно, когда берут, а особенно усыновляют, то хотят взять ребенка чем меньше, тем лучше — до года и здорового, чтобы он воспринимал взрослых как родных папу и маму. Старших детей не берут, у инвалидов, давайте говорить честно, очень мало шансов. Вот в московском банке данных на сегодня 68% детей — это дети старше 13 лет, 40% — это инвалиды.

— Какие ресурсы вы используете, чтобы агитировать потенциальных родителей и на таких детей. И возможно ли это рекламировать?

— Я не считаю, что в случае с устройством ребенка — инвалида или подростка — нужно кричать: «Возьмите ребенка!» Это очень сложно, очень тяжело. Здесь на простой рекламе не проедешь. Мы в

прошлом году сняли документальный фильм «Взять и полюбить», он есть у нас на сайте «Усыновите.ру». Там историй приемных семей, в том числе и тех, которые усыновили детей-инвалидов. Пока я вижу один реальный способ, как мотивировать людей брать в семью ребенка-инвалида. Этот способ заключается в работе с теми волонтерами, которые уже работают с такими детьми. Ведь чаще всего берут таких детей именно волонтеры, которые, возможно, и не собирались этого делать, но работа с такими детьми подтолкнула их к этому выбору. Эти люди уже душевно открыты и понимают, чего можно ждать, а чего нет от такого ребенка. И что меня поражает, они чаще всего не просто берут ребенка в приемную семью под опеку, а становятся усыновителями.

— Вы пропагандируете усыновление как некий социальный стандарт. А надо ли это делать? Мне кажется, что если есть такое внутреннее желание и потребность в родительстве, их не надо никак мотивировать, привлекать фотографиями, роликами...

— Я понимаю, о чем вы. У нас страна героического сознания, и если наш человек задастся целью, то преодолеет все. И все-таки я считаю, что акцентировать эту тему в обществе стоит. Я начинал заниматься изучением опыта международного усыновления в 90-х. И у меня возник еще тогда вопрос — американцы они что, гуманнее русских? Я думаю, в каждом народе соотношение добрых и злых людей примерно идентично. Но почему у них это развито, почему это считается делом общественно значимым, позитивным и актуальным, а у нас в 90-е годы оставалась актуальной тайна усыновления. У нас женщина подушечку на животе несколько месяцев носила, имитируя беременность, чтобы люди не заподозрили в усыновлении. Я был свидетелем того, как в 92-м году в Самарской области, в первом центре усыновления, рыдали женщины с подушками на животах. У них срок подходит «рожать», а ребенка им еще не подобрали в доме малютки.

У нас это казалось обществу чем-то постыдным, говорящим о своей внутренней несостоятельности: «Ты что, не можешь своего родить?» И еще более подозрительно, если есть свой, зачем брать из детского дома? У нас очень мало было произведений в кино и литературе на эту тему. У нас не было этой культуры, как и не было культуры работы с инвалидами. Я сейчас ужасно горд, что у нас ситуация стала меняться.

— Есть ли сейчас ограничения для людей, желающих взять ребенка: возраст, семейное положение?

— Да, есть. Есть юридические, а есть и практические. Это большая проблема для органов опеки, как отказывать людям в возрасте. Зачастую при собеседовании выявляется их неверная мотивация: они хотят взять ребенка для себя, чтобы в старости было кому подать стакан воды. У меня был случай, и он не единичный. Как-то на одно наше мероприятие пришла женщина, которая стала теревить всех: «Дайте мне ребенка, мне 56 лет, это последний шанс...» Стали разбираться и выяснилось, что этой женщине уже давали девочку, а у женщины в доме жили четыре кошки. Когда у ребенка проявилась аллергия на шерсть, женщина предпочла вернуть девочку в детдом, а не избавиться от кошек. Вот что делать в таком случае? Ведь юридически она имеет право стать приемной матерью. Большой вопрос.

— Но, к примеру, у одинокой женщины средних лет, обеспечивающей себя, есть шансы взять ребенка?

— Есть. Учитываются очень разные факторы. Я знаю женщину, которая была волонтером, ходила в больницу, ухаживала за ребенком и в итоге решила на усыновление. Другое дело, что если при всех равных придет семейная пара замечательная и замечательная одинокая женщина, ребенка отдадут все же в полную семью.

— **Сколько сейчас времени занимает процесс подготовки и сбора документов?**

— Это несколько месяцев. Мы не горячие пирожки продаем. Природой вообще-то заведено ждать ребенка 9 месяцев. У меня есть такие друзья, которые могли позвонить среди ночи с текстом: «Все, мы тут созрели, решили, давай завтра поедем в детский дом». Но я считаю, то, что процесс подготовки к приему в семью связан с серьезными усилиями, — это правильно. Даже в Европе, в Америке это не простая процедура. Сначала надо в школу приемных родителей ходить, тестирование пройти, сдать зачеты. Мы, популяризируя усыновление, имеем в виду побудить, а не тут же обеспечить ребенком.

— **Дети знают, что их видеопаспорта размещены на сайте?**

— Более взрослые, кто пользуется интернетом, конечно, знают, потом они же в съемках участвовали. Маленьких детей, думаю, этот аспект не очень интересует.

— **А это правильно, что подросток, зная, что его данные есть на сайте, понимает, что им никто не интересуется — полгода, год. Не большая ли это травма — дать ему невыполнимый шанс, нежели не дать вовсе?**

— Хороший вопрос. Это даже не вопрос — нужно это или не нужно, это обязательство. Все дети должны быть в банке данных, а банк данных должен быть открытым. А травма может быть, я не буду лукавить. Но я не верю, что 18-летнего ребенка захочет кто-либо усыновить.

Видимо, это портфолио останется на память. А если и найдется усыновитель, то может возникнуть резонный вопрос: «Ты что хочешь 18-летнюю девушку усыновить?» Это вызовет множество вопросов, если за этой историей не стоит семья, которая была как-то раньше связана с ребенком.

— **На сайте «Усынови Москва.Ру» опубликованы истории успешного усыновления, и это интересно. А не имеет ли смысл, чтобы картина была максимально объективной, описывать и истории, не увенчавшиеся успехом?**

— Обязательно. Мы сейчас готовим правдивую книгу приемных семей. Эта книга будет позитивной. Но в ней обязательно будут истории со сложностями. Есть истории, когда семьи брали ребенка, не получалось, возвращали его. А потом после мучений и терзаний опять приходили, чему-то учились и преодолевали, и успешная семья складывалась уже со второй попытки. Мы не должны создавать идиллическую сладкую картинку о том, как это хорошо. У нас одна из рекламных кампаний рекламных называется «Возьми свое сложное счастье», и это точное определение. И приемные семьи — это счастливые семьи. Это, как ни странно, закон. Но это всегда счастье сложное.

6 сентября в Государственном Кремлевском дворце состоится награждение номинантов первой Московской городской премии за вклад в развитие семейного устройства детей-сирот «Крылья аиста». Премия будет вручена лучшим приемным родителям, органам опеки, школе приемных родителей и общественным деятелям, активно участвующим в организации устройства детей в семьи. Премия учреждена департаментом соцзащиты столицы.

Автор: Наталья Чернова

Постоянный адрес страницы: <http://www.novayagazeta.ru/society/64942.html>